

«Иные меры процессуального принуждения» как «ложная систематизация» в уголовно-процессуальном праве

Научный руководитель – Победкин Александр Викторович

Манджиева Елена Валериевна

Аспирант

Академия управления МВД России, Москва, Россия

E-mail: manjievaalena@yandex.ru

Достижение назначения уголовного судопроизводства немислимо без принуждения, которое обеспечивает реализацию норм права, но применение которого допустимо исключительно при наличии оснований и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Уголовно-процессуальное законодательство должно быть, соответственно, логичным, системным, содержать ясные основания, условия применения принудительных мер.

Достаточный период времени, прошедший с момента принятия УПК Российской Федерации (далее - УПК) в 2001 г., однозначно свидетельствует, что он не является нормативным актом, позволяющим обеспечить эффективное уголовное судопроизводство по ряду причин и, прежде всего, ввиду его эклектичности [3], которая была заложена изначально как результат разного ряда компромиссов и лишь усиливалась множественными и хаотичными изменениями. «Действующий УПК РФ в значительной части неконституционен, во многих компонентах необходимой системностью не обладает, изобилует «белыми пятнами» и во многом нежизнеспособен», - справедливо отмечал профессор А.А. Давлетов [Давлетов, 2005, 234-237].

Пример тому - регламентация именно мер процессуального принуждения, где нужна особая законодательная точность. С одной стороны, с учетом особой роли, присущей принуждению в уголовно-процессуальной деятельности, а также существенного ограничения прав и свобод человека (в том числе и конституционных), допускаемых в ходе его применения, в действующем УПК законодатель впервые комплексно, в отдельном разделе УПК (раздел IV «Меры процессуального принуждения») достаточно детально урегулировал основания и порядок применения мер принуждения (глава 12 «Задержание», глава 13 «Меры пресечения» и глава 14 «Иные меры процессуального принуждения»). На первый взгляд можно было бы приветствовать наличие в УПК главы 14, которая объединяет ряд мер процессуального принуждения под понятием «иные меры процессуального принуждения». Однако именно такой вариант их законодательной систематизации и вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку ставит под сомнение надежность процессуальных гарантий.

Создав видимость некоей систематизации, законодатель создал ряд проблем и поставил спектр вопросов, которые дают основание предположить, что в части мер процессуального принуждения в УПК имеет место «ложная систематизация», на деле, лишь умножающая хаос. Ясных и однородных оснований для систематизации иных мер процессуального принуждения в том варианте, который использован в УПК, увы, не усматривается. Именно потому применение некоторых из них в России разнородно, отдельные применяются крайне редко, а роль третьих и вовсе не соответствует тому потенциалу, который закладывался в них законодателем изначально.

Прежде всего зададимся вопросом: имелась ли реальная потребность в объединении «иных мер процессуального принуждения», как их понимает законодатель, в одной главе

УПК? Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве советского периода законодателем в отдельную главу выделялись только меры пресечения, хотя в нем нашли свое отражение и иные меры принуждения в современном их понимании, которые не включались в какую-то отдельную группу и были рассредоточены по всему кодексу. Не выделялись эти меры в отдельный раздел (главу) и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

В период попыток реформирования уголовного-процессуального законодательства, предпринимавшихся в 1990-2000-х г.г., был разработан ряд проектов УПК и Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств (далее - МУПК). При этом, однако, ни один из них не выделял «Иные меры процессуального принуждения» в качестве самостоятельной группы.

К сожалению, для Российской Федерации модельные законы не стали тем образцом, на который бы строго ориентировался законодатель [4]. Сказанное касается и УПК, который существенно расходится с МУПК, причем во многом проигрывая [2], и став, к тому же одним из первых примеров необязательности ориентации на совместный межгосударственный труд стран-соседей по созданию близкого по духу законодательства.

Нельзя сказать, чтобы необходимость объединения иных мер процессуального принуждения в какой-либо структурный элемент уголовно-процессуального законодательства, серьезно обосновывалась в науке. Вопрос закономерен: почему в советском и российском дореволюционном законодательствах меры принуждения, в данное время трактующиеся как «иные», не объединялись? Вероятно, в законодательной технике того периода была определенная логика. Меры процессуального принуждения даже структурно связывались с теми уголовно-процессуальными институтами, эффективность реализации которых должны были обеспечивать. Это придавало ясность их назначению, целям и основаниям.

Сегодня именно структурная проблемность уголовно-процессуального закона во многом препятствует четкому пониманию для чего применяется мера процессуального принуждения, к каким участникам, при наличии каких оснований и условий. Например, законодатель отдельной главой выделил «Задержание», тем самым разорвав связь этой меры принуждения с заключением под стражу, тогда как целью ее, судя по всему, является не только выявление причастности лица к совершению преступления, но и, прежде всего, решение вопроса о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или иной меры пресечения, ограничивающей свободу человека.

Объединив в главе 14 УПК разнородные меры пресечения, имеющие очевидно разные цели (привод, наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности и др.), законодатель, естественно, не смог определить для них общую цель. Индивидуальная цель также определена им не для каждой иной меры процессуального принуждения. Как следствие временное отстранение от должности, например, используют часто для достижения целей мер пресечения, что существенно отрицательно сказывается на правах человека.

По какой причине в данной главе не оказалось процессуальных и следственных действий, содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве, которые имеют явно выраженный принудительный характер, также остается загадкой. Возможно, отдельные меры процессуального принуждения и могли бы быть выделены в самостоятельную главу УПК. Однако лишь в том случае, когда они имеют однородные цели, основания и условия применения. В настоящее время в отношении мер, объединенных в главе 14 УПК, имеет место «ложная систематизация», несущая больше отрицательный, чем положительный заряд.

Источники и литература

- 1) Давлетов А.А. Критерии оценки УПК РФ. Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА(СЮИ). Екатеринбург, 2005. Ч.1. С. 234-237.
- 2) Еникеев З.Д. Проблемы гармонизации уголовно-процессуального законодательства стран СНГ // Евразийский юридический журнал. 2010. №6(25). С. 24-31.
- 3) Победкин А.В. Как одухотворить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. №5. С. 49-54.
- 4) Юртаева Е.А. Вопросы соотношения модельного и национального законодательства // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2000. №3(26). С. 189-193.